

ЛИТОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

Годъ пятнадцатый.

Выходятъ
по
Воскресеньямъ.

22-го Мая 1877 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб.
Отдѣльные NN Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе
годы и за настоящій 1877 г. по 10 коп. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редак-
ціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 21.

При печатаніи объявленій, за каждую строку
или мѣсто строки взимается:

за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Правительственныя Распоряженія.

— **Перемены въ іерархіи.** Высочайше утвержден-
нымъ докладомъ Св. Синода отъ 12 апрѣля повелѣно быть
епископу алеутскому Іоанну членомъ Московской Синодальной
конторы; отъ 25 апрѣля: архіепископу донскому Платону—
архіепископомъ одесскимъ и херсонскимъ и архіепископу мин-
скому Александру—архіепископомъ донскимъ и новочеркас-
скимъ.

— № 212, 17-го февраля—8-го марта 1877 г.
*О томъ, чтобы преподаватели, оставляющие службу
въ духовныхъ училищахъ, представляли предъ лѣтними
вакаціями формальныя прошенія объ увольненіи.* Св.
Правит. Синодъ слушали предложенный г. Оберъ-Прокуро-
ромъ журналъ Учебнаго Комитета, № 21, по возбужден-
ному въ правленіи одного духовнаго училища вопросу: слѣ-
дуетъ-ли выдавать жалованье тѣмъ училищнымъ преподава-
телямъ, которые, предъ началомъ лѣтнихъ вакацій, заявивъ
желаніе оставить службу въ училищѣ, не подаютъ прошеній
о своемъ увольненіи отъ таковой службы до окончанія ва-
каціоннаго времени. Приказали: 1) Штатные препо-
даватели всѣхъ учебныхъ заведеній обыкновенно получаютъ
жалованье въ теченіи цѣлаго года, не исключая ни зим-
нихъ, ни лѣтнихъ вакацій, хотя учащіе и освобождаются
во время вакацій отъ классныхъ занятій наравнѣ съ вос-
питанниками. Такой же точно порядокъ установленъ и во
всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ подлежащими духовно-
училищными уставами и штатами. Посему Св. Синодъ на-
ходитъ вполне справедливымъ не лишать выбывающихъ
изъ духовныхъ училищъ, послѣ прекращенія въ оныхъ
предъ лѣтними вакаціями ученія и окончанія переводныхъ
годовыхъ испытаній, преподавателей слѣдующаго имъ за
вакаціонное время вознагражденія; 2) Для устраненія же
тѣхъ затрудненій, съ какими соединено замѣщеніе открыва-
ющихся учительскихъ вакансій въ духовныхъ училищахъ,
вслѣдствіе одновременнаго выхода нѣсколькихъ преподава-
телей, постановить на будущее время правиломъ, согласно
съ заключеніемъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, что-
бы желающіе оставить службу въ училищѣ, по окончаніи
классныхъ занятій, наставники представляли о томъ училищ-
ному начальству, предъ лѣтними вакаціями, формальныя

прошенія съ точнымъ показаніемъ числа, съ котораго они же-
лаютъ быть уволенными отъ службы въ училищѣ и рассчитан-
ными жалованьемъ, считая при этомъ крайнимъ предѣломъ
такового срока начало новаго учебнаго года, а училищное
правленіе, на основаніи этихъ прошеній, объявляло объ
открывающихся въ училищѣ вакансіяхъ и вообще дѣлало
заблаговременныя распоряженія къ замѣщенію оныхъ съ по-
казаннаго въ прошеніяхъ увольняемыхъ учителей срока.
Объ изложенномъ, для руководства и исполненія въ подле-
жащихъ случаяхъ правленіями духовныхъ училищъ, сооб-
щить циркулярно чрезъ „Церковный Вѣстникъ“ установ-
леннымъ порядкомъ.

— № 74. 19-го января—26-го февраля 1877 года.
*По дѣлу о замѣнѣ вторично пожалованныхъ нѣкото-
рымъ церковнымъ старостамъ орденовъ слѣдующими въ
порядкѣ постепенности знаками отличій.* Въ Св. Синодѣ
нерѣдко поступаютъ ходатайства о замѣнѣ вторично пожа-
лованныхъ церковнымъ старостамъ орденовъ слѣдующими въ
порядкѣ постепенности знаками отличій. Такъ какъ случаи
вторичнаго пожалованія одними и тѣми же орденами проис-
ходятъ отъ одновременнаго представленія лицъ къ одной и той
же наградѣ по разнымъ вѣдомствамъ, то Св. Синодъ, для
избѣжанія подобныхъ случаевъ на будущее время, опредѣ-
леніемъ 19-го января—26-го февраля 1877 г. постано-
вилъ: предписать епархіальнымъ преосвященнымъ цирку-
лярно, чрезъ напечатаніе въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, что-
бы они, дѣлая свои сношенія, согласно 852 ст. Учр. Орд.
Т. I, съ гражданскими начальствами о неимѣніи препят-
ствій къ наградамъ, въ тоже время спрашивали ихъ; не
представлены ли тѣ лица, коимъ испрашивается награда
по духовному вѣдомству, къ какимъ либо наградамъ по
гражданскому вѣдомству.

Мѣстные Распоряженія.

**Опредѣленіе Св. Синода о пожертвованіяхъ на са-
нитарныя нужды дѣйствующей арміи.**

(Къ сдѣланию и непремѣнному исполненію).

Литовская Духовная Консисторія слушала опредѣ-
леніе Св. Синода, пропечатанное въ 19 № Церковнаго

Вѣстника 1877 года, слѣдующаго содержанія: Святѣйшій Правительствующій Синодъ, по бывшемъ разсужденіи о пожертвованіяхъ, поступающихъ на санитарныя нужды нашей дѣйствующей арміи, опредѣленіемъ 6-го — 9-го мая 1877 года постановилъ: 1) Препроводить въ распоряженіе главнаго правленія Общества Краснаго Креста на упомянутый предметъ *сто тысячъ рублей* Государственными непрерывнодоходными четырех-процентными билетами изъ имѣющихся въ его распоряженіи суммъ; и 2) Циркулярными указами, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“, предписать московской синодальной конторѣ, епархіальнымъ преосвященнымъ и главнымъ священникамъ гвардіи и гренадеръ и арміи и флотовъ пригласить къ пожертвованіямъ на санитарныя нужды дѣйствующей арміи какъ церкви и приходское духовенство, такъ, въ особенности, ставропигіальныя и прочіе монастыри. Таковыя пожертвованія, по мѣрѣ поступленія оныхъ, подлежащія духовныя начальства обязываются передавать въ мѣстное отдѣленіе Общества Краснаго Креста, а гдѣ таковаго нѣтъ, вносить въ мѣстное казначейство, сообщая о сихъ послѣднихъ пожертвованіяхъ Хозяйственному при Святѣйшемъ Синодѣ Управленію, для распоряженій о переводѣ этихъ пожертвованій изъ казначействъ по принадлежности. Святѣйшій Синодъ не сомнѣвается, что подвѣдомственные ему духовныя учрежденія и лица примутъ настоящее приглашеніе къ пожертвованію съ тою же готовностью нести посильную лепту на пользу больныхъ и раненныхъ защитниковъ вѣры, престола и отечества, какую и въ прежнія времена не разъ оказывали служители нашей православной русской церкви. **П р и к а з а л и:** Съ прописаніемъ опредѣленія Св. Синода пригласить чрезъ епархіальныя вѣдомости и печатными указами къ пожертвованіямъ на санитарныя нужды дѣйствующей арміи монастыри, церкви и духовенство Литовской епархіи, съ тѣмъ, чтобы благочинные поступающія пожертвованія денежныя и вещественныя отъ церквей, монастырей и лично отъ священно и церковно-служителей отсылали тотчасъ же въ мѣстныя губерскія: Виленское, Ковенское и Гродненское Управленія *Общества Краснаго Креста*, *) а подписныя листы, въ которыхъ должно быть прописано особо пожертвованіе отъ церкви и особо (собственноручно) отъ каждаго члена причта, должны быть тѣми же благочинными непосредственно представлены для свѣдѣнія Его Высокопреосвященству вслѣдъ за высылкою самыхъ пожертвованій въ упомянутыя мѣстныя управленія Общества Краснаго Креста.

— **Приглашеніе церковныхъ причтовъ покупать церковныя свѣчи изъ братскаго склада въ Вильнѣ.** 1877 г. Апрѣля 8 дня. По Указу Его Императорскаго Величества Литовская Духовная Консistorія слушала докладъ совѣта Виленскаго Свято-Духовскаго братства отъ 2 Марта сего 1877 г., за № 24, слѣдующаго содержанія: Совѣтъ Свято-Духовскаго братства въ засѣданіи своемъ 20 Сентября 1876 года, имѣя въ виду распространенную въ послѣднее время поддѣлку церковныхъ свѣчей и желая доставить церквамъ Литовской епархіи возможность имѣть надлежащія свѣчи и по не дорогой цѣнѣ уполномочилъ Преосвященнаго Евгенія, Епископа Ковенскаго, войти въ сношеніе по этому предмету съ Черниговскимъ епархіальнымъ свѣчнымъ заводомъ. Вслѣдствіе чего Черниговскимъ епархіальнымъ свѣчнымъ заводомъ и выслано въ братство въ Ноябрь 1876 года, болѣе 50 пудовъ разнаго сорта свѣчей. Въ засѣданіи 13 Декабря 1876 г. совѣтъ положилъ объявить о продажѣ свѣчей при братской лавочкѣ чрезъ Лит. Епарх. Вѣдомости, а въ засѣданіи 2 Февраля 1877 года, между прочимъ, постановилъ: такъ какъ цѣль предпринятой братствомъ операціи заключается единственно въ томъ, чтобы доставить духовенству епархіи возможность, при извѣстной въ настоящее время поддѣлкѣ церковныхъ свѣчей, получать таковыя свѣчи чистаго воска и не дороже тѣхъ, которыя продаются за неподдѣльныя, то совѣтъ братства призналъ необходимымъ обратиться къ Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Макарію, своему почетному Предсѣдателю, съ просьбою предложить чрезъ Литовскую Духовную Консistorію духовенству и церковнымъ старостамъ епархіи приобрѣтатъ и заказывать церковныя свѣчи, въ нужномъ для ихъ церквей количествѣ, посредствомъ Виленскаго Свято-Духовскаго братства. **П р и к а з а л и** и Его Высокопреосвященство утвердилъ: въ виду заявленія Совѣта Виленскаго Св. Духовскаго братства о томъ, что въ послѣднее время въ разныхъ мѣстахъ Литовской епархіи распространена продажа восковыхъ свѣчей не добраго качества и по сравнительно высокимъ цѣнамъ, чтобы съ одной стороны предостеречь причты Литовской Епархіи и церковныхъ старостъ отъ покупки таковыхъ свѣчей и излишней затраты на оныя церковныя денегъ, а съ другой побудить торговцевъ восковыми свѣчами имѣть въ продажѣ таковыя свѣчи лучшаго достоинства, и заумѣренную цѣну, Литовская Духовная Консistorія полагаетъ рекомендовать причтамъ епархіи и церковнымъ старостамъ за покупкою настоящихъ восковыхъ свѣчей всѣхъ сортовъ по цѣнамъ весьма умѣреннымъ, обращаться въ братскую лавочку при Острыхъ Воротахъ въ городѣ Вильнѣ, или въ оптовый складъ этихъ свѣчей при Виленскомъ Кафедральномъ Соборѣ. Кто изъ причтовъ пожелаетъ, то съ заказомъ, относительно приобрѣтенія для своихъ церквей всевозможныхъ сортовъ восковыхъ свѣчей обращался бы въ совѣтъ Виленскаго Свято-Духовскаго братства: каковое постановленіе Консistorіи, по утвержденіи оного Его Высокопреосвященствомъ, пропечатать въ Литовскихъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ для свѣдѣнія всего епархіальнаго духовенства.

— **Праздненія.** 9 мая, вакантное мѣсто помощника настоятеля при Илской церкви, Вилейскаго уѣзда, представлено учителю народнаго училища, *Викентію Желтовскому*.

— 9 мая, на вакантное мѣсто настоятеля Оранчицкой церкви, перемѣщенъ, согласно прошенію, настоятель Дойлидской церкви, Бѣлостокскаго уѣзда, *Александръ Кендысь*.

— 9 мая, на вакантное мѣсто настоятеля Оранчицкой церкви, перемѣщенъ, согласно прошенію, настоятель Дойлидской церкви, Бѣлостокскаго уѣзда, *Александръ Кендысь*.

— 12 мая, на вакантное мѣсто настоятеля въ с. Козинахъ, Дисненскаго уѣзда, перемѣщенъ, согласно прошенію, настоятель Сосновской церкви, *Михей Троицкій*.

— 15 мая, утверждены въ должности церковныхъ старостъ: 1) къ Бакштанской церкви, Ошмянскаго уѣзда, крестьянинъ Бакштанской волости, *Теодоръ Протасевичъ*; 2) къ Юратинской церкви, того же уѣзда, крестьянинъ с. Юратинскъ, *Александръ Ооминъ Пашковский*.

*) Кружечный сборъ, по церквамъ, учрежденный на тотъ же предметъ по прежнимъ распоряженіямъ Св. Синода, само собою разумѣется, остается не отмѣненнымъ и собранныя суммы полагать отсылать въ указанные сроки по указанному адресу.
(Ред. Лит. Еп. Вид).

— 12 мая, утверждены въ должностяхъ по Троцкому благочинію — благочиннаго настоятель Меречской церкви *Михаилъ Пашкевичъ*; помощника благочиннаго — настоятель Кронской церкви *Алексій Богтюжскій*.

— 3 мая, уволенъ за штатъ, согласно прошенію, настоятель Мижевической церкви *Матей Павловичъ*.

Мѣстные Извѣстія.

— Возвращеніе въ Вильну Его Высокопреосвященства. Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Макарій, Архіепископъ Литовскій и Виленскій, 18-го сего мая, въ 8 часовъ утра, благополучно прибылъ изъ С.-Петербурга въ Вильну.

— На протоколъ Литовской Консисторіи о приглашеніи монастырей, церковей и духовенства Литовской епархіи къ пожертвованіямъ въ мѣстные общества Краснаго Креста, на больныхъ и раненыхъ воиновъ, Его Высокопреосвященство 20 сего Мая изволилъ, между прочимъ, написать слѣдующую резолюцію: Съ своей стороны жертвую для означенной цѣли тысячу рублей, а отъ вѣреннаго мнѣ Святодуховскаго монастыря, съ согласія братіи, пятьсотъ рублей въ % билетахъ.

— Пожертвованія. Въ *Смоляницкую* церковь, Пружанскаго уѣзда, поступили слѣд. пожертвованія: отъ мѣстнаго священника Павла Синева, двѣ лампадки накладнаго серебра, цѣною въ 7 руб.; отъ крестьянина дер. Смоляницы, Михаила Андреева Семухи, икона св. и чудотворца Николая, въ позолоченной рамѣ и такомъ же кіотѣ, за стекломъ, цѣною въ 18 руб. и отъ писаря Носковской волости, Новыша — три рубля на освѣщеніе церкви въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія.

— Въ *Ягельскую* церковь, Волковыйскаго уѣзда, пожертвованы рядовымъ Иваномъ Вѣляевымъ, состоящимъ при СП-бургскомъ кавалерійскомъ училищѣ, слѣдующія вещи: изъ серебра — дискосъ, звѣздца, лжица и копіе.

— **Вакансіи** — Настоятеля — при *Сосновской* ц. Свѣнцианскаго уѣзда, въ с. *Мижевичахъ* — Слонимскаго уѣзда и въ с. *Дойлидахъ* — Вѣлосток. уѣзда. Помощника настоятеля — *Псаломщиковъ*: въ с. *Сабакинцахъ* — Лидскаго уѣзда, въ с. *Козачинѣ* — Ново-александровскаго уѣзда.

Неофициальный Отдѣлъ.

Протоіерей Андрей Софоновичъ Червяковскій,

одинъ изъ сторостепенныхъ дѣятелей въ дѣлѣ возсоединенія униатовъ съ православною церковью.

Безъ радѣнія и гнѣва.

На просторномъ церковномъ погостѣ, у самой восточной стѣны Христорожественской церкви въ г. Пружанахъ, ви-

дѣется продолговатая насыпь, не огороженная никакою оградой, не покрытая пока даже дерномъ; только два кустика розы скромно торчатъ съ двухъ сторонъ кургана. Это свѣжая могила протоіерея А. С. Червяковскаго. Благочестивые старики и старушки иногда высказываютъ зависть, что покойный заслужилъ себѣ такое хорошее мѣсто, внутри церковной ограды, у любимой имъ старой деревянной церкви; часто появляются у могилы двѣ женщины, одѣтыя въ глубокой трауръ, вдова и сирота покойнаго; иногда раздается здѣсь печальный напѣвъ панихиды, при стеченіи нѣкотораго количества прихожанъ; близкіе и присные почитавшаго, какъ водится, часто еще толкуютъ о его болѣзни и послѣднихъ дняхъ, о томъ, какъ онъ видѣлся имъ во снѣ и т. под. Вотъ, повидимому, и все, что осталось отъ долгой, болѣе чѣмъ 70 лѣтней жизни человѣка, почти 50 лѣтъ усердно служившаго своему дѣлу, въ томъ числѣ около 35 лѣтъ въ предѣлахъ Литовской епархіи. Конечно, это обычный образъ суеты всякой человѣческой жизни, исчезающей „какъ сонъ пробуждающагося“.

„Рѣка времени въ своемъ стремленіи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топить въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей,“

не говоря уже о жизни обыкновенныхъ смертныхъ. Одна только церковь творитъ о нихъ вѣчную память и молится за нихъ, какъ за членовъ образуемаго ею великаго общества, которое одною, меньшею своею частью существуетъ на землѣ, а другою, несравненно большею, живетъ въ вѣчности. Но гдѣ не дремлетъ человѣческая мысль, гдѣ общество стремится къ самосознанію и поэтому дорожитъ пониманіемъ былыхъ дѣяній минувшаго времени, тамъ и помимо церковнаго поминанья мыслящіе люди стараются хоть на время воскресить въ своей памяти угасшую жизнь человѣка и, если можно, извлечь изъ нея кое-что такое, что представляется не столь летучимъ и расплывчатымъ, какъ дымъ, что переживаетъ на болѣе или менѣе значительное время *малые и злые дни* человѣческой особи. Это нѣчто можно найти, конечно, только въ личности человѣка, въ его нравственномъ обликѣ, въ томъ или другомъ характерѣ служенія его своему дѣлу, въ связи съ историческими условіями жизни современнаго ему общества. Конечно, случается нерѣдко что престарѣлый человѣкъ, умирая, уноситъ съ собою въ могилу и тайну своей жизни, которую въ состояніи были бы разъяснить только его сверстники; очень можетъ быть, что это примѣнимо до нѣкоторой степени и къ покойному протоіерею. Всѣ знавшіе его очень хорошо могутъ описать его наружный образъ; назовите только имя покойнаго и всякій видѣвшій его легко воспроизведетъ въ своемъ представленіи дов. высокаго, плотнаго, крѣпкаго старика, бѣловолосаго и бѣлобородаго, съ энергическимъ выраженіемъ на красномъ, нѣсколько продолговатомъ лицѣ съ высокимъ челомъ и большими голубыми глазами, еще полными жизни и силы, съ крупнымъ изогнутымъ римскимъ носомъ и тонкими губами, замыкающими достаточно широкий ротъ, съ бодрою, крупною, размашистою походкою, съ отрывистою, оживленною рѣчью, рѣзковатыми манерами и крутымъ нравомъ. Но крайне мало найдется людей, которые въ состояніи были бы изобразить намъ внутреннюю сторону жизни покойнаго, хотя, повидимому, она прожита имъ не даромъ и въ обстоятельствахъ ея можетъ найтись, быть можетъ, кое что не безынтересное для насъ. Желая припом-

нить о покойномъ протоіерее то, что не было для меня тайною и что можно припомнить надъ свѣжею могилою, не оскорбляя памяти почившаго и не задѣвая самолюбія живыхъ, напередъ прошу прощенья у читателей за тѣ неясности и неточности, которыя встрѣтятся въ этомъ очеркѣ наперекоръ моему желанію, помимо моей воли.

I.

Родители Андрея Софоновича и характеръ ихъ жизни. Время и мѣсто рожденія, характеръ и обстоятельства домашнего воспитанія Андрея Софоновича—Витебская и Полоцкая школы. Тадулинскій монастырь. Учительство въ Полоцкой Инфимѣ. Отношенія къ архіепископу Іоанну Красовскому. Главная семинарія при Виленскомъ университетѣ. Выходъ изъ нея и свидѣтельство объ успѣхахъ и поведеніи, выданное регенсомъ семинаріи. Взглядъ на характеръ и сущность воспитанія и образованія Андрея Софоновича.

Верстахъ въ 20 отъ Витебска существуетъ село Ужлятино, видимое для проезжающаго по Динабургской желѣзнодорожнѣ изъ окна вагона. Лѣтъ 50 назадъ въ Ужлятинѣ можно было видѣть такую же кучку бѣдныхъ крестьянскихъ дворовъ, какую найдете и теперь; но изъ среды курныхъ хатъ выдавался одинъ домъ, снабженный дымовыми трубами, отстроенный прочнѣе и чище другихъ, съ хозяйственными пристройками и дворомъ, обнесеннымъ частоколомъ, вмѣсто обычнаго низкаго плетня. Не знаю, существуетъ ли теперь этотъ домъ, знаю только, что въ ту пору по своему внутреннему устройству и убранству онъ мало чѣмъ отличался отъ чистой крестьянской избы: простота и отсутствіе всякихъ поповизмовъ на щегольство, роскошь и комфортъ составляли его своеобразный характеръ. Владѣлецъ дома о. Софонія Червяковскій изстари жилъ около Витебска и въ Витебскѣ. Сначала онъ былъ псаломщикомъ, по тогдашнему канторомъ, при церкви въ с. Поддубахъ, верстахъ въ 15 отъ Витебска; потомъ какъ человѣкъ добросовѣстный въ исполненіи своихъ обязанностей и безупречный въ жизни, онъ удостоенъ степени дьякона и, наконецъ, дослужился до званія священника и переведенъ въ с. Ужлятино. О. Софонія былъ женатъ на священнической дочери Марѣ Мылковской, которая приходилась родственницею архіепископу Бѣлорусскому Іоанну Красовскому. Не смотря на такое родство о. Софонія и жена его въ своемъ домашнемъ быту мало чѣмъ отличались отъ порядочныхъ крестьянъ и оставались такими всю жизнь, главными и общими чертами которой были заботливая хозяйственность, бережливость, умѣренность и строгая аккуратность. 3 декабря 1805 г. у Софонія Червяковскаго, бывшаго въ ту пору еще канторомъ въ с. Поддубахъ, родился сынъ Андрей. Ребенокъ воспитывался въ крестьянской простотѣ и неизбалованности, на вольномъ воздухѣ, на черномъ хлѣбѣ и подъ суровою ферилою строгихъ родителей. Это, должно конечно, было закалить мальчика физически и заставляло его воспримчивую и упругую натуру сколько свертываться, замыкаться, столько же вырабатывать стремленіе къ личной самостоятельности. Въ 1812 г. будучи уже здоровымъ подросткомъ, отрокъ видѣлъ руину, произведенную Французами, съ которыми имѣлъ случай быть и въ непосредственномъ соприкосновеніи. Скоро, затѣмъ, онъ отданъ былъ въ ученіе въ Витебское и потомъ Полоцкое училище. Это были среднеучебныя заведенія, съ шестилѣтнимъ курсомъ; воспитаніе и обученіе въ нихъ находились въ рукахъ Базиліанъ. Главнымъ мѣстомъ школьнаго воспитанія Андрея Софоновича былъ собственно Витебскъ, гдѣ онъ окончилъ полный курсъ; но сверхъ того,

года два онъ былъ и въ Полоцкой епархіальной семинаріи, перенесенной въ Полоцкъ изъ с. Судиловичъ, гдѣ она передъ тѣмъ находилась. Полоцкая школа содержалась на епархіальные средства и была подъ непосредственнымъ наблюденіемъ архіепископа І. Красовскаго. Благочестіе, строгость и простота были душою тамошняго воспитанія. Самъ архіепископъ постоянно запросто посѣщалъ свой питомникъ и строго вскивалъ съ лѣнтяевъ. „Э, коцикъ, хлѣбъ мой ѣшь, а учись лѣнись, — дайце ему лозы!“—эту фразу хорошо помнили воспитывавшіеся въ архіепископской школѣ. Каковъ былъ внутренній характеръ воспитанія, видно изъ того, что прямо изъ-за школьной скамьи Андрей Софоновичъ поступилъ рясофорнымъ монахомъ (nowicjusz) въ Тадулинскій Базиліанскій монастырь, верстахъ въ 25 отъ Витебска. Быть можетъ, таково было желаніе его родителей, а можетъ быть, этимъ своимъ поступкомъ юноша былъ обязанъ собственному почину; въ такомъ случаѣ слѣдовало бы заключить, что въ молодомъ человѣкѣ сталъ складываться строгій, подвижническій взглядъ на жизнь. Само собою понятно, что монастырская жизнь должна была укрѣпить въ немъ этотъ взглядъ. Тѣмъ не менѣе Андрею Софоновичу не суждено было сдѣлаться монахомъ, и черезъ года 1½ или 2 онъ, не снимая сутаны, т. е. оставаясь клирикомъ, вышелъ изъ монастыря и поступилъ учителемъ Инфимѣ въ Полоцкую школу. Дошелъ ли онъ до убѣжденія въ послѣдности и необходимости своего поступленія въ монастырь, или пашель монашескую жизнь не отвѣчающей своей идеѣ, и разочаровался въ ней, или случайное какое либо обстоятельство заставило его снова сдѣлаться свѣтскимъ клирикомъ, ничего это не знаю; извѣстно мнѣ только, что покойный никогда не говорилъ объ этомъ времени своей жизни, умалчивалъ о своей попыткѣ постричься въ монахи даже передъ женою, и вообще хранилъ это обстоятельство въ глубокой тайнѣ; извѣстно также, что иногда онъ говаривалъ при сужденіи о нѣкоторыхъ людяхъ: „ужъ не жили добра, когда кто вырвался на свѣтъ изъ монастыря!“ Такъ какъ Андрей Софоновичъ до самой своей кончины сохранилъ строгій, подвижническій взглядъ на жизнь, то его выходъ изъ монастыря можетъ быть объясненъ, съ наибольшею вѣроятностью, вліаніемъ архіепископа Красовскаго, который уже просто въ качествѣ родственника могъ обратить вниманіе на молодого человѣка и рѣшилъ дать ему возможность лучше присмотрѣться къ жизни и, пожалуй, удобнѣе устроиться въ ней; несомнѣннымъ по крайней мѣрѣ представляется, что учителемъ полоцкой школы Андрей Софоновичъ могъ поступить только съ разрѣшенія ея непосредственнаго попечителя—архіепископа. Впрочемъ, учительствовалъ Андрей Софоновичъ весьма недолго, не болѣе года, и поступилъ, вслѣдъ, затѣмъ, въ 1824 г. въ главную семинарію при Виленскомъ университетѣ, въ качествѣ клирика стипендіата Луцкой епархіи, чѣмъ вѣроятно былъ обязанъ опять тому же архіепископу Красовскому. Семинарія помѣщалась въ зданіи августинскаго монастыря, гдѣ нынѣ находится духовное училище; бывая въ училищѣ уже старикомъ, Андрей Софоновичъ живо вспоминалъ, что было тутъ во время его студенчества. То было время живаго общественнаго движенія въ Вильнѣ, время сильнаго развитія мѣстной печати, образованія тайныхъ обществъ, изъ которыхъ масонское помѣщалось рядомъ съ семинаріей, въ домѣ Ромера—однимъ словомъ, время полнаго назрѣванія тѣхъ плодовъ, которые, подъ охороною русскаго правительства, выросли изъ семянъ, брошенныхъ Чарторыйскимъ, б. попечителемъ Виленскаго учебнаго ок-

руга, на интеллектуальной почвѣ западнаго края, хорошо вспаханной іезуитами и піарами. Само собою понятно, что главная семинарія была не просто грекоунитская, а латиноунитская; пріюченная подъ крылышкомъ польскаго университета, она состояла подъ начальствомъ одного регенса, конечно католика, и двухъ, состоящихъ въ его вѣдѣніи префектовъ: одного католическаго—для студентовъ католиковъ, и одного уніатскаго—для уніатовъ. Регенсомъ въ ту пору былъ Мамертъ изъ Фульштына Гербуртъ, уніатскимъ префектомъ докторъ богословія Василій Лужинскій, нынѣ архіепископъ, членъ Св. Синода. Въ числѣ сотоварищей студентовъ Андрей Софоновичъ имѣлъ честь считать Михаила Голубовича, нынѣ архіепископа, живущаго на покой. Живя въ одномъ зданіи и вмѣстѣ посѣщая лекціи по свѣтскимъ наукамъ въ университетѣ, а по духовнымъ въ самой семинаріи, уніаты и католики, конечно, легко знакомились и сближались другъ съ другомъ, отъ чего впрочемъ дѣло ихъ образованія могло только выигрывать, судя по нѣкоторымъ результатамъ. Андрей Софоновичъ, строгій, точный, акуратный, одаренный живымъ воображеніемъ и свѣтлымъ умомъ, конечно, не тратилъ даромъ времени въ университетѣ и семинаріи; къ сожалѣнію, болѣзнь помѣшала ему воспользоваться надлежащимъ образомъ тѣми средствами образованія, какія представлялись ему въ Вильнѣ. Открывшаяся на тѣлѣ и лицѣ сильная золотушная сыпь заставила его серьезно подумать о лѣченіи, и при концѣ втораго года пребыванія въ главной семинаріи онъ долженъ былъ оставить ее и отправиться на родину. Въ бумагахъ покойнаго сохранилось свидѣтельство на латинскомъ языкѣ, за подписью регенса семинаріи, о томъ, что онъ въ качествѣ клерика (*Clericus ordinum minorum*) Луцкой греко-унитской епархіи, пробылъ въ главной семинаріи 1 годъ и 10 мѣсяцевъ и, при поведеніи въ высшей степени соотвѣтственномъ правиламъ духовнаго званія, обучался съ должнымъ прилежаніемъ и достаточнымъ успѣхомъ всѣмъ наукамъ наиболѣе полезнымъ и необходимымъ для человѣка посвящающаго себя на служеніе церкви, но по причинѣ серьезной болѣзненности самъ пожелалъ оставить учебное заведеніе и уволенъ въ вѣдомство Луцкой епархіи *). Такимъ образомъ, Андрею Софоновичу не удалось докончить свое высшее научное образованіе, онъ не дослушалъ двухъ лѣтъ универси-

тетско-богословскаго курса, его научныя и богословскія понятія не могли получить всей возможной въ ту пору ясности, опредѣленности и глубины. Но это только значить, что его образованіе было не на столько высоко, чтобы онъ въ научно-богословскомъ мірѣ могъ чувствовать себя такимъ же полноправнымъ гражданиномъ въ области литературы нѣмецко-протестантской, нѣмецко-и французско-католической, какъ латинской и польской католическо-унитской, и славяно-русской православно-унитской. Онъ былъ знакомъ съ французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, хотя и не въ такой степени, какъ съ латинскимъ, польскимъ, славянскимъ и русскимъ; но мы не случалось видѣть или слышать, чтобы онъ читалъ нѣмецкія или французскія книги. За то, онъ весьма любилъ книги латинскія, польскія и особенно русскія и славянскія, изъ послѣднихъ онъ составилъ себѣ въ послѣдствіи дов. полную церковно-богословскую бібліотеку, гдѣ рядомъ съ славянскими житіями святыхъ и церковными книгами можно было найти и произведенія древней западнорусской богословской литературы, въ родѣ *Ligosca Θίვისα* и т. п., и творенія Стефана Лворскаго (камень вѣры) и Теофана Прокоповича (Ученіе о блаженствахъ, о разрывѣ между греческою и римскою церковью и о флорентійскомъ соборѣ, о благодатномъ оправданіи грѣшника Христомъ и т. п.), и исторію уніи Бантынь-Каменскаго (изд. 1805 г.) и лучшія русскія богословскія сочиненія и проповѣди 30—50-хъ годовъ, въ томъ числѣ Филаретовъ—Московского и Черниговскаго, Муравьева, Авдія Востокова, преосв. Макарія и т. д. Само собою разумѣется, что эта бібліотека, которую можно было видѣть у покойнаго въ шестидесятыхъ годахъ, вовсе не можетъ служить вывѣскою того богословскаго образованія, какое онъ имѣлъ въ двадцатыхъ; но она показываетъ только, что воспитаніе въ Витебской и Полоцкой школахъ, въ Тадулинскомъ монастырѣ и въ главной семинаріи развило въ Андрѣ Софоновичѣ вкусъ къ чтенію богословскихъ сочиненій и всегда давало ему возможность стоять въ уровень съ понятіями, развивавшимися въ русской богословской литературѣ, съ двадцатыхъ по семидесятые годы. А если при этомъ мы припомнимъ, что и въ наше просвѣщенное время священникъ, даже будучи еще молодымъ, не погруженнымъ въ заботы о хозяйствѣ, о воспитаніи дѣтей, о служебно-административныхъ дѣлахъ, иногда совсѣмъ забываетъ о богословскихъ книгахъ и кромѣ обязательныхъ епархіальныхъ вѣдомостей не интересуется никакими духовными журналами, то мы должны будемъ отдать полную справедливость старому уніатскому образованію, если оно и при такой рѣзкой перемѣнѣ, какъ воссоединеніе уніи съ православіемъ и замѣна всего польскаго русскимъ, давало человѣку внутреннюю возможность и потребность идти въ уровень съ временемъ въ теченіи болѣе полустолѣтія. Заключение о томъ, что покойный Андрей Софоновичъ шелъ въ уровень съ понятіями, развивавшимися въ нашей духовной литературѣ, я вывожу не только изъ его бібліофильства, но и изъ его вниманія къ самому содержанію книгъ, которыя онъ имѣлъ, изъ его бесѣдъ, которыя перѣдко онъ охотно велъ съ молодыми священниками болѣе солиднаго образованія о церковно-историческихъ, церковно-библейскихъ и богословскихъ вопросахъ. Но далеко нельзя того же сказать объ отношеніи покойнаго протоіерея къ свѣтской литературѣ; онъ слѣдилъ за нею только по газетамъ (Московск. Вѣдомости) и еженедѣльникамъ (Нива), но не читалъ ни толстыхъ журналовъ, ни капитальныхъ сочиненій изъ области исторіи, беллетристики и т. п., хотя безъ сомнѣнія хорошо былъ знакомъ съ

*) Вотъ подлинникъ: Ego intrascriptus Mamertus de-Fulstin Herburtt Praelatus Custos Zytomiriensis canonicus Cathedralis Luceoriensis, Regens seminarii Generalis penes Caesaream Litterarum universitatem Vilnensem. Curatus Trojanoviensis Sacrae Theologiae Doctor, universis et singulis quorum interest, intererit, aut quomodolibet interesse poterit, notum testatumque per praesentes facio ac significo Venerabilem Dominum Andream Czerwiakowski ex Dioecesi Ritus Graeco-Catholici Luceoriensis Minorum Ordinum Clericum in Generali Vilnensi Seminario annum unum ac mensibus decem versatum omnibus scientiis tam in ipso Seminarii Collegio, quam in Caesarea Vilnensi Universitate publice tractatis viis ecclesiastico perutilibus ac necessariis diligentem cum sufficiente fructu operam novasse. Quod autem spectet vitae rationem, hanc ad normam Clericalis Institutum exactissime composuisse. Cum vero propter gravem corporis infirmitatem ipsemet ab officiis ejusdem Seminarii liberari voluerit, ad propriam praedictam Luceoriensem Dioecesin legitime domissum esse, hujusmodi Testimonialibus Litteris propria mea manu cum Munifico Suae Imperatoriae Majestatis Sigillo firmatis communitum. Dabantur Vilnae in aedibus Generalis Seminarii die 16 Novembris 1826 r. M. de-Fulstin Herburtt, Custos cathedralis Zytomiriensis Regens Generalis Vilnensis Seminarii Theologiae Doctor. № 468.

латинскими старыми польскими классиками. Онъ былъ знакомъ съ Цицерономъ, Тацитомъ, Виргиліемъ, Гораціемъ, Сарбевскимъ, Красинскимъ и т. д., былъ знакомъ съ польскими хроникерами и историками, но не интересовался ни Гоголемъ, ни Тургеневымъ, ни Гончаровымъ и проч., ни Шлоссеромъ и Воклемъ, ни Льюисомъ и т. п. У него были весьма ясны и основательныя понятія изъ естественной исторіи, физиологіи и физики, но тутъ онъ уже не подвигался впередъ. Было бы великою несправедливостію поставить ему въ упрекъ этотъ недостатокъ, уже потому одному, что онъ былъ человѣкъ дѣловой и до самой почти смерти трудился на своемъ поприщѣ такъ, какъ не всегда въ состояніи трудиться и молодой человѣкъ. Но этотъ неизбѣжный, неотвратимый пробѣлъ въ его умственной дѣятельности былъ все таки недостаткомъ и не маловажнымъ: онъ указывалъ, что покойный не могъ во всемъ идти за своимъ временемъ, не могъ хорошо понимать общества, въ которомъ приходилось ему вращаться, живя въ городѣ, а извѣстно, что въ этомъ пониманіи лежитъ ключъ къ пастырскому вліянію. Далѣе этотъ пробѣлъ указывалъ на вѣкторую двойственность въ самомъ строѣ понятій, опять таки неизбѣжную, но тѣмъ болѣе дѣйствительную двойственность, гдѣ на латинопольской общеобразовательной подкладкѣ, пріобрѣтенной въ базилианской школѣ время Чарторыйскаго, покоились русскія православныя понятія новѣйшаго времени. Было бы клеветою — сказать, что такая двойственность могла уменьшать ясность ума, а тѣмъ болѣе суживать умственный кругозоръ или порождать неискренность въ сужденіяхъ; напротивъ, она давала много элементовъ для ясности и широты представленія и пониманія; но несомнѣнно, что подобное раздвоеніе понятій, подобный недостатокъ дѣльности міровоззрѣнія роковымъ образомъ парализуетъ творческую производительность ума, какъ въ этомъ съ несомнѣнностію можно убѣдиться изъ исторіи литературы. Чтобы не ходить далеко, вспомнимъ даровитѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ нашихъ іерарховъ, вышедшихъ изъ Виленскаго университета, и во главѣ ихъ покойнаго митрополита Іосифа, — они не отличались литературою и проповѣдною плодотворностію, хотя могли бы сказать намъ и сказать прекрасно весьма и весьма много крайне поучительнаго. Андрей Софоновичъ не оставилъ по себѣ никакихъ письменныхъ произведеній, кромѣ весьма краткихъ, лаконическихъ и дѣловыхъ замѣтокъ о своихъ поѣздкахъ изъ Пружанъ въ Вильно. Равнымъ образомъ онъ не отличался проповѣдною дѣятельностію, хотя трудно было бы найти священника болѣе преданнаго своему дѣлу, чѣмъ онъ, и не смотря на то, что онъ отличался весьма живымъ воображеніемъ и способностью выражать свои мысли просто, наглядно и картинно.

Если мы теперь захотимъ дать себѣ отчетъ о томъ, каковъ былъ строй убѣжденій у этого человѣка, то прежде всего обратимъ вниманіе на то, что это былъ строй убѣжденій до нѣкоторой степени уніатскихъ. Имѣть уніатскія убѣжденія — это значить въ принципѣ не то, что быть ни рыбой, ни мясомъ, полукатоликомъ, полуправославнымъ, — это значить полагать центръ тяжести церковнорелигіозной жизни въ обрядѣ, придавать болѣе значенія богослужебной обрядности, какъ то: богослужебному языку, богослужебнымъ книгамъ и молитвенникамъ, церковной обстановкѣ (иконостасъ, колокола и т. п.) и способу совершенія богослужебныхъ послѣдованій и требъ, — всѣмъ этимъ вещамъ придавать болѣе значенія, чѣмъ развитію церковнаго ученія въ той или другой богословской формѣ, въ томъ или другомъ вѣроисповѣдномъ направленіи;

это значить наглядное, видимое, подлежащее, предпочитаемое отвлеченному, мыслимому, подлежащему (субъективному). Само собою понятно, что для того, чтобы быть искреннимъ уніатомъ, требуется стоять по своему умственному развитію на ступени начетчика, или — полуначетчика — полусхоластика. Человѣкъ, выросшій изъ пеленокъ начетчиства, или изъ помочей схоластицизма, человѣкъ съ научнобогословскимъ строемъ понятій — никакъ не можетъ быть искреннимъ уніатомъ, — развѣ подъ условіемъ индеферентизма. Ясно послѣ этого, что изъ Виленскаго университета не могли выходить искренніе уніаты, а напротивъ — побывавшіе тамъ являлись или болѣе менѣе искренними то католиками, то протестантами, или столько же искренними православными, но во всякомъ случаѣ — недругами уніи, въ смыслѣ церковнаго и политическаго учрежденія. Андрей Софоновичъ не могъ быть искреннимъ уніатомъ, т. е. человѣкомъ, искренно-дорожащимъ церковно-догматическимъ союзомъ съ римскою церковью, не только потому, что его вѣроисповѣдныя понятія пріобрѣли нѣкоторую научно-богословскую основательность и глубину, но и потому, что онъ вышелъ изъ среды весьма близкой къ русскому простонародію и изъ школы Іоанна Красовскаго, стремившагося возратить унію въ ея первобытное состояніе, т. е. сдѣлать ее православною, и слѣдовательно упразднить. Андрей Софоновичъ не могъ не цѣнить польской культуры, но, въ силу народнаго самолюбія, не отличался дружелюбными чувствами къ полякамъ. Точно также въ религіозной области онъ умѣлъ уважать чужія убѣжденія и доходилъ, въ этомъ отношеніи, до крайнихъ предѣловъ терпимости; но, во имя вѣроисповѣдной самобытности и истины, онъ не могъ мириться и брататься съ католиками. Становясь на высшую точку зрѣнія, онъ готовъ былъ допустить, что и Іоасафъ Кунцевичъ могъ быть по своему, относительно, святой человѣкъ, потому что былъ искрененъ, честенъ, твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ и запечатлѣлъ ихъ своею жизнью; но признаніе этой относительной, свойской святости, съ точки зрѣнія Андрея Софоновича, могло являться лишь въ видѣ великодушнаго снисхожденія, помнящаго, что всѣмъ людямъ свойственно ошибаться, но никакъ не въ видѣ обязательнаго почитанія, преступно увѣковѣчивающаго сознание заблужденія. Андрей Софоновичъ цѣнилъ историческую и догматическую истину и не могъ мириться съ ложью. Но борьба за обрядъ, за богослужебную виѣшность, научила его съ величайшимъ уваженіемъ и привязанностію относиться и къ вѣроисповѣдной виѣшности, къ наружной религіозно-церковной обстановкѣ, въ которой русскій народъ полагалъ чуть не всю свою вѣру, едва не всю силу своего благочестія; жизнь въ Ужлѣтинѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ и Тадулинѣ могла развить въ Андрей Софоновичѣ только полную солидарность съ народомъ въ почитаніи видимой церковной святости, въ любви къ подлежащему выраженію религіозныхъ понятій, къ осязательному обнаруженію благочестиваго чувства. Не даромъ въ свидѣтельствѣ регенса главной семинаріи о поведеніи Андрея Софоновича было сказано: *quod spectet vitae rationem, hanc ad normam Clericalis Instituti exactissime composuisse.*

Регенсъ, конечно, цѣнилъ въ своемъ студентѣ не виѣшнюю только порядочность, не благочестивую только, такъ сказать, аккуратность, а именно *rationem vitae*, т. е. самый складъ и характеръ нравственной жизни. Каковъ же былъ этотъ нравственный складъ Андрея Соф — чл? Сколько я знаю покойнаго, мнѣ кажется, что регенсъ сказалъ въ своемъ свидѣтельствѣ не казенную фразу, а сущую правду. Въ домѣ

простыхъ, строгихъ и набожныхъ родителей покойный получилъ такую духовно-нравственную закваску, которая сохранила силу на всю его жизнь; воспримчивая и глубокая натура его полно и прочно восприняла и свято сохранила заветы благочестиваго слова и примѣра отца и матери. Базиліанское воспитаніе въ школѣ и монастырѣ вполне отвѣчало домашнему и являлось только его продолженіемъ: и здѣсь царствовали тѣже простота, строгая дисциплина и благочестіе, тоже пріученіе къ труду и гоненію прихотей, тоже подавленіе живыхъ, мягкихъ проявленій человѣческаго чувства, таже суровая закалка воли и сосредоточиваніе человѣка въ самомъ себѣ, въ замѣнъ развитія въ немъ влеченія къ живой общительности. Это было именно въ высшей степени послѣдовательное (exactissime) подтягиваніе человѣческой природы ad normam Clericalis Instituti, та выправка, выдѣлка личности, которая кладетъ неизгладимую печать на нравственную фizioномію человѣка и нерѣдко рѣзко указывается на самомъ его лицѣ (какъ это иногда видимъ католическихъ ксендзовъ, а кое-гдѣ и у православныхъ семинаристовъ). Эту выдѣлку человѣческой личности по церковно-монашескому образцу могла сглаживать до нѣкоторой степени въ Андреѣ Софоновичѣ неотрванность его въ первый періодъ воспитанія отъ родительскаго дома, связь его съ родною семьею, что, конечно, было крайне благотѣльно для его нравственнаго развитія; но въ виду согласія строя его семейнаго воспитанія съ школьнымъ, это сглаживающее вліяніе не могло быть значительнымъ. Отвлеченные принципы христіанско-иноческой жизни, путемъ сильнаго и продолжительнаго напряженія молодой воли и послѣдовательно-разсчитаннаго воздѣйствія на воспримчивой умъ, могли быть цѣликомъ насаждены въ юномъ человѣкѣ, безъ всякихъ примѣненій, смягченій и ограниченій, требуемыхъ опытомъ жизни нерѣдко съ рѣзкимъ насиліемъ, съ явною несправедливостію къ совершенно законнымъ и правильнымъ требованіямъ живой дѣйствительности. Во имя высшей правды безжалостно притуплялись и заглушались чувства родства, дружбы, пріязни, общественной солидарности; во имя смиренія и безусловной покорности высшей волѣ, жестоко подавлялись живыя человѣческія желанія, не залечатлѣнныя клеймомъ этой воли, безповоротно парализовалась способность независимаго личнаго почина.

Какими же люди выходили изъ этой школы въ жизнь?

Изъ подобной школы выступала на жизненное поприще, что древнеримскій атлетъ на арену, совершенно оголенная, обособленная человѣческая личность, движимая отвлеченными принципами вѣры и нравственности, обладающая желѣзной закалкой сердца и воли, выступалъ на дѣло человѣкъ самоотреченія и подвига, безусловно послушный велѣніямъ канонизованнаго авторитета, готовый на всякія жертвы во имя своихъ началъ, не замѣчающій такъ называемыхъ мелочей жизни, не спотыкающійся при встрѣчѣ съ противорѣчащими его понятіямъ требованіями житейскаго опыта, настойчивый и неумолимый въ преслѣдованіи отвлеченной идеи закона и правды. Сопоставьте подобнаго человѣка съ тѣми жалкими личностями, которыя прикрываясь противорѣчіемъ между вѣрою и положительнымъ знаніемъ, отвлеченнымъ принципомъ и практическою жизнію, во имя реальной правды и пользы, вытравли въ себѣ всякое серьезное нравственное убѣжденіе, съ тѣми софистами нашего вѣка, которые за деньги готовы черное дѣлать бѣлымъ и бѣлое чернымъ, съ тѣми скоморохами и шутами, которые въ гонѣ за пріятными ощущеніями, за деньгами вліяніемъ и властью, готовы по заказу плакать и смѣяться, позорить

то, что считаютъ достойнымъ уваженія, и почитать, что позорно, и этотъ базиліанскій человѣкъ вырастаетъ передъ вами въ личность исполинскую по сравненію съ ничтожными людипками, съ которыми намъ сплошь да рядомъ приходится встрѣчаться. Но отъ великаго до малаго только одинъ шагъ. Несомнѣнно достойный уваженія, человѣкъ самоотреченія и подвига окажется далеко не такъ состоятельнымъ, если ему придется занять положеніе простаго, мирнаго семьянина и отца семейства. Онъ будетъ чувствовать себя здѣсь также неловко, какъ чувствовалъ бы себя солдатъ, еслибы ему пришлось въ полной боевой амуниціи, сложа руки, сидѣть въ мирной, уютной свѣтлицѣ, въ кругу милыхъ, улыбающихся ребятъ, среди мирныхъ и благодушныхъ женщинъ и дѣвицъ. Здѣсь скажется въ немъ глубокое внутреннее раздвоеніе, — раздвоеніе не понятій, а сердца и воли; оно будетъ отравлять мирныя семейныя радости, оно неизбѣжно парализуетъ живое сближеніе, задумевное единеніе родныхъ и присныхъ подъ ихъ общимъ кровомъ, у ихъ домашняго очага; въ самыя святыя и торжественныя минуты, какъ и при обыденномъ теченіи жизни, въ кругу ихъ семьи будетъ чувствоваться то глухой, то рѣзкій диссонансъ, то глубоко затаенное, то ясно выступающее внутреннее противорѣчіе, и отъ порога ея бѣжитъ свѣтлое, цѣнное довольство жизнію тихое, и глубокое наслажденіе благами бытія. И окажется на повѣрку, что „не жди ужъ добра, коли кто ушелъ изъ монастыря“. Эта горькая рефлексія, какъ роковой приговоръ, какъ злой сарказмъ судьбы, будетъ неотвизчиво преслѣдовать человѣка честнаго и прекраснаго, ничуть не менѣе другихъ людей заслуживающаго быть счастливымъ, за то только, что онъ будучи глубокою натурою, оказался однако не вполне послѣдовательнымъ въ своей жизни, не до конца отрেকся отъ всего, что мило и дорого на свѣтѣ. Но сдѣлай онъ еще одно напряженіе воли, еще одинъ подвигъ самоотреченія — и онъ очутился бы на прямой своей дорогѣ; онъ не зналъ бы семейныхъ радостей, но за то не чувствовалъ бы жизненныхъ противорѣчій; онъ былъ бы совершенно одинокъ, но для него, въ сферѣ его дѣятельности почти не было бы невозможнаго. Впрочемъ невозможнаго не было бы для него только въ томъ случаѣ, еслибы онъ могъ ступить еще одинъ шагъ впередъ по пути къ упрощенію жизни, къ облегченію своего труда надъ ея перестройкою, — еслибы онъ могъ сказать себѣ: всѣ средства хороши, если ведутъ къ хорошей цѣли.... Не даромъ базиліанъ называли *іезуитами униі*. Они дѣйствительно во многомъ напоминали ихъ, состоя съ ними въ близкомъ духовномъ родствѣ. Но они были настолько ниже, непослѣдовательнѣе и несостоятельнѣе ихъ, насколько униі была ниже, непослѣдовательнѣе несостоятельнѣе католицизма; и эта ихъ непослѣдовательность состояла прежде всего въ томъ, что они не устроили себѣ принципа: цѣль оправдываетъ средства. Если безъ этого принципа нѣтъ можно было, впрочемъ, повидимому только, обходиться въ уединенной монастырской кельѣ; то за то, безъ него чрезвычайно много неудобства долженъ былъ встрѣчать базиліанинъ въ житейской обстановкѣ, въ миссіонерской и пастырской дѣятельности среди мірскихъ людей. Конечно, и тутъ онъ не затруднился бы рѣшиться на то, что другому казалось бы невозможнымъ, не затруднился бы, какъ скоро получилъ бы нужный для этого импульсъ отъ канонизованнаго авторитета, напр., отъ своего духовнаго начальства. Но рѣшиться, даже и при желѣзной волѣ, не значитъ еще исполнить; для этого нужна еще житейская умѣлость, сноровка и опытность: искусство исподоволь проводить идею изъ области от-

влеченной мысли въ живую дѣйствительность, терпѣливо насаждать свое личное убѣжденіе, собственное задушевное стремленіе въ умахъ и сердцахъ людей составляющихъ общество. А для этого нужна не желѣзная твердость, но золотая тягучесть, не рѣзкость, а мягкая настойчивость, не строгая неизмѣнность, а ловкая находчивость, умѣнье примѣняться ко всякимъ обстоятельствамъ, слѣдовательно, сильно развитая способность живаго, личнаго, свободнаго почина. Между тѣмъ безъ принципа: цѣль оправдываетъ средства ничего этого не въ состояніи была дать обыкновенная монастырская жизнь базилианъ, въ корнѣ подавлявшая живые индивидуальныя элементы духовно нравственной жизни—личное чувство, личную волю, способность независимаго личнаго почина. И вотъ, благодаря своей честности, чѣмъ усерднѣе и самоотверженнѣе брался за свое дѣло воинъ духовной рати, тѣмъ болѣе рисковалъ встрѣтить въ своей дѣятельности незаслуженныя непріятности и непоправимыя разочарованія. У него не хватало нравственной цѣльности, гибкости, упругости и подвижности, чтобы его пастырскія внушенія и настоянія могли незамѣтно, быстро и полно охватывать сердца, завладѣвать желаніями людей; его вліяніе способно было скорѣе ложиться на нихъ, тяжелою, давящею силою и при этомъ не могло не вызывать сильнаго противодѣйствія, нерѣдко непреодолимаго и для самаго крѣпкаго характера, способнаго привести въ отчаяніе и подвижника, самаго непритязательнаго въ требованіяхъ отъ жизни. Самотверженнаго работника духовной вивы ожидали неизбѣжныя недоумѣнія, подозрѣнія, недоразумѣнія. У обыкновенныхъ практическихъ людей, при взглядахъ на условія и труды подобнаго человѣка, не могло хватать сообразительности, чтобы понимать, что онъ дѣйствуетъ прежде всего во имя отвлеченной правды, что при всѣхъ своихъ рѣзкостяхъ и шерховатостяхъ, онъ честенъ до того, что скорѣе будетъ несправедливъ для себя, чѣмъ для другихъ; они неизбѣжно находили себя вынужденными искать объясненія его дѣйствій въ затаенныхъ заднихъ мысляхъ, въ честолюбіи, самодурствѣ, эгоизмѣ, своекорыстныхъ расчетахъ и т. п.; такіа обидныя, незаслуженныя предположенія должны были являться острыми шипами терновника для наболѣвшей души неповиннаго труженника, вызывали въ немъ желчь и брюзгливость, долженствовавшая сдѣлаться причиною новыхъ непріятностей и укоровъ, и т. д. и опять оправдывалась поговорка: „ужъ не жди добра, коли кто вырвался на свѣтъ изъ монастыря“.

Я говорю при этомъ вообще о нѣкоторыхъ результатахъ базилианскаго монастырскаго строя жизни въ примѣненіи къ глубокимъ и сильнымъ натурамъ, нисколько не относя всего сказаннаго къ Андрею Софоновичу: было бы слишкомъ смѣло съ такою рѣшительностью судить о предметѣ, про который онъ всегда умалчивалъ. Но я думаю, что кое-что изъ сказаннаго все таки примѣнимо къ экс-базилианину о. Андрею, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго разсказа. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, Андрею Софоновичу нужно было весьма жалѣть о томъ, что болѣзненность помѣшала ему докончить свое университетское образованіе: оно могло бы нѣсколько сгладить шерховатость и рѣзкость въ его

характерѣ и настроеніи, порожденныя въ немъ тадулинскою жизнью.

Арсеній Анахоретовъ.

(Продолженіе съ № 24).

— Телеграмма Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго дѣйствующей арміею, отъ 14-го мая. Генераль-маіоръ Саловъ **) донесъ изъ Браилова, что сегодня, въ 2 ч. 55 м. пополудни, лейтенанты: Дубасовъ и Шестаковъ минными шлюпками взорвали турецкій мониторъ. У насъ потерь нѣтъ.

— Отъ 16-го мая. Сегодня Самъ возложилъ на лейтенантовъ Дубасова и Шестакова георгіевскіе кресты. Эти молодцы и съ ними лейтенантъ Петровъ, мичманы Персинъ, Баль и румынской маіоръ Муржеско шли на вѣрную смерть: только Богъ спасъ ихъ отъ гибели. Первый ударъ нанесъ лейтенантъ Дубасовъ съ катера „Цесаревичъ“, который тотчасъ залило водою; второй ударъ, довершившій гибель монитора, нанесенъ лейтенантомъ Шестаковымъ съ катера „Ксенія“; оба удара нанесены подъ градомъ бомбъ и пуль съ трехъ мониторовъ въ упоръ. Катеръ „Ксенія“ былъ забросанъ обломками монитора, засорившими винтъ, такъ что пришлось очищать его у самаго борта погружавшагося монитора, изъ башни котораго турки продолжали стрѣлять. Катеръ мичмана Персина „Джигитъ“, пробитый ядромъ въ корму и залитый водою, отъ другого ядра, упавшаго передъ носомъ, долженъ былъ отойти къ непріятельскому берегу чиниться и отливаться. Катеръ мичмана Бали „Цесаревна“ все время былъ въ готовности принять людей съ катера „Цесаревичъ“, которому угрожало полное погруженіе. Маіоръ Муржеско и лейтенантъ Петровъ во все время были самыми дѣятельными помощниками Дубасова и Шестакова, находясь около 20 минутъ подъ огнемъ въ упоръ. Наши герои, по волѣ Всемогушаго Провидѣнія, не потеряли ни одного человѣка и съ разсвѣтомъ вернулись въ Браиловъ. По удаленіи остальныхъ турецкихъ мониторовъ, Дубасовъ, Персинъ и Баль снова на трехъ катерахъ отправились къ затонувшему монитору и сняли съ него флагъ. Матросы вели себя героями; никакой суеты, никакого разговора, какъ-будто на ученьи. На всѣхъ четырехъ катерахъ было 40 человѣкъ.

(Правит. Вѣст.)

Содержаніе № 21.

ПРАВИТЕЛ. РАСПОРЯЖЕНІЯ. Перемѣны въ іерархіи. Указы Св. Синода. МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Указы Консисторій. Назначенія. МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Возвращеніе Его Высокопреосвященства въ Вильну. Пожертвованія. Вакансіи. НЕОФФИЦ. ОТДѢЛЪ. Прот. А. С. Червяковский. Телеграммы.

Предыдущій № сданъ на почту 15-го Мая.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

**) Командиръ 1-й бригады 11-й пѣхотной дивизіи.

Дозволено цензурой. Цензоръ, Протоіерей
Петръ Левицкій.

Печатано въ Типографіи Виленскаго Губернскаго Правленія
г. Вильна. Ивановская у. № д. 11—1877 г.